

УДК 343.125.5: 343.85

Школьная медиация в России: основания, опыт, перспективы правового регулирования

Акчурин Т.Ф.

Кандидат юридических наук, доцент,
руководитель Центра проблем социализации детей и молодежи
Федерального института развития образования

Максудов Р.Р.

Председатель Всероссийской Ассоциации школьных служб
примирения, Президент Межрегионального общественного
центра «Судебно-правовая реформа» (Москва)

В статье рассматривается опыт, реалии, основы школьной медиации. Школьные службы примирения исследуются как институт гражданского общества и как дополнительный инструмент для защиты прав ребенка. Перспективы существования и развития этого института в современном обществе и Российском государстве имеют существенное значение, которое может повлиять на криминогенную ситуацию в стране. Кроме того, статья раскрывает российскую модель школьных служб примирения.

Ключевые слова: примирение, воспитание, восстановительное правосудие, школьные службы примирения, система защиты детства, ювенальная юстиция.

Правовые основы медиации. В настоящее время социально-психологическое состояние молодежи вызывает озабоченность у всего мирового сообщества. Наблюдается рост отклоняющегося поведения у подростков, происходит криминализация этой среды. Подчеркивая необходимость реагирования на эти процессы, а также в целях содействия воспитанию несовершеннолетних, многие страны объединяют свои усилия. На международном и на региональном уровнях принимаются соответствующие документы.

Свой вклад в решение этой проблемы вносит и Россия, активно участвуя во всех международных договорах и актах*.

* Россия вступила в Совет Европы 25 января 1996 года. Парламентская Ассамблея СЕ большинством в две трети голосов приняла резолюцию, пункт 10 которой гласил: «Рекомендовать Кабинету Министров СЕ пригласить Российскую Федерацию стать членом Совета Европы; предоставить 18 мест в Парламентской Ассамблее». С 1992 по 1996 гг. Россия имела статус «специально приглашенного» государства (с 1989 г. в этом статусе выступал СССР).

Так, в частности, Комитет Министров Совета Европы, основываясь на положениях:

– Европейской Конвенции по правам человека,
– Европейской конвенции по осуществлению прав детей,

– Конвенции ООН по правам ребенка,
– Стандартных минимальных требований ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила),

– Руководящих принципов организации объединенных наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) и др.,

принял ряд важнейших документов, среди которых:

– Рекомендация № (2003) 20 Комитета Министров государствам-членам касательно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних (утверждено Комитетом Министров 24 сентября 2003 года на 853 заседании Заместителей Министров);

– Рекомендация № R (87) 20 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы по проблеме общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних (принята Комитетом Министров 17 сентября 1987 года на 410 заседании Представителей – Заместителей министров);

– Рекомендация № R (98) 1 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы касательно медиации в семейных вопросах (принята Комитетом министров 2 января 1998 года на 616 заседании Заместителей министров) и др.

Данные рекомендации указывают, что «молодежь – это поколение, которое развивается и, следовательно, все меры, предпринимаемые в ее отношении, должны носить воспитательный характер». Система наказаний несовершеннолетних «должна определяться такими ее целями, как воспитание и социальная интеграция, а также должна по мере возможности упразднить тюремное заключение несовершеннолетнего». В этих документах содержится также призыв пересмотреть свое законодательство и практику его применения, поощряя «мероприятия и методики по примирению молодых преступников и их жертв» [1, с. 223-236].

Концепцией, в рамках которой развивается примирение как практика, в различных странах является восстановительное правосудие. Ориентир на восстановительное правосудие позволяет избежать принятых сегодня в обществе агрессивных и силовых методов разрешения конфликтных и криминальных ситуаций. Концепция восстановительного правосудия, а шире – восстановительного подхода разрабатывается сегодня в мире как набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, конфликта, в обстоятельствах всплеска насилия. Иными словами, когда межчеловеческие отношения насыщаются ненавистью и мстительностью, обрывающими возможность взаимопонимания. Тем самым, восстановительное правосудие выступает за «восстановление социальной ткани», разрушенной в результате конфликтов и преступлений. Без помощи участникам криминальных ситуаций и раскаяния, без примирения и восстановления доверия невозможно прервать цикл насилия ни в семье, ни в школе, ни в офисе, ни на улице. Стандарты и нормы наднационального уровня (Рекомендации Комитета министров Совета Европы, Европейского Союза и ООН, принятые в 1999-2001 гг.) отражают то широкое значение, которое восстановительный подход получил в мире [2].

Таким образом, в международно-правовом аспекте для реализации в России примирения как определенной практики в различных его формах и областях (милиции, судах, КДН, системе образования) никаких препятствий нет, более того, существуют прямые указания для членов международного сообщества на то, чтобы применять обсуждаемые нами идеи.

В статье 17 Конституции России зафиксировано: «В РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». А статья 15 ч. 4 гласит, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международ-

ного договора». Иными словами, в области прав человека в РФ признается примат международного права. Следовательно, можно сослаться на вышеназванные нормы, как на нормы прямого действия для внедрения идей школьных служб примирения.

Современное российское правосудие (по уголовным делам) является в своей основе карательным: действует принцип неотвратимости уголовного наказания независимо от того, признал ли свою вину обвиняемый, раскаялся ли в совершении противоправного деяния, загладил ли причиненный вред, принес ли извинения потерпевшему, примирился ли с ним. Однако закон допускает исключения. Во-первых, дела частного обвинения подлежат обязательному прекращению в связи с примирением с обвиняемым. Во-вторых, по определенной категории дел частного публичного и публичного обвинения судья, следователь (с согласия начальника следственного отдела) вправе, но не обязан прекратить дело. Также допускается прекращение уголовного дела и применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним обвиняемым (ст. 427 УПК РФ). Таким образом, принцип неотвратимости наказания в ряде случаев уступает место урегулированию конфликта между обвиняемым и потерпевшим и применению мер воспитательного воздействия без использования мер государственного принуждения. Данное гуманистическое направление уголовной политики становится все более значимым.

Особо хотелось бы остановиться на том факте, что российский законодатель в процессе судебной реформы закрепил понятие примирения в уголовно-процессуальном праве – статья 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон». Несмотря на то, что сама статья не поясняет сам термин «примирения», однако включение такой правовой нормы в структуру УПК РФ лишний раз доказывает, что понятие примирения входит в лексикон российской правовой системы как полноправный термин.

В указанных случаях уголовное судопроизводство рассматривается как конфликт между сторонами (обвиняемым и потерпевшим), кон-

тролируемый судом (следователем), а не между государством и обвиняемым. К этой новой тенденции относится идея и практика восстановительного правосудия, иницируемая в России Общественным Центром «Судебно-правовая реформа» и реализуемая при взаимодействии социальных служб с судами в ряде регионов России по делам несовершеннолетних (Пермский край, Москва, Тюмень, Новосибирск, Казань, Петрозаводск и др.).

Но самим людям, нередко находящимся в озлобленном состоянии под влиянием самого преступления и воздействия представителей правоохранительных органов, достаточно трудно конструктивно взаимодействовать друг с другом.

Восстановительное правосудие как концептуальная идея примирения в уголовном правосудии выступает за «восстановление социальной ткани», разрушенной в результате конфликтов и преступлений с помощью медиации. Стандарты и нормы наднационального уровня (Рекомендации Комитета министров Совета Европы, Европейского Союза и ООН, принятые в 1999–2001 гг.) отражают то широкое значение, которое восстановительный подход получил в мире [2].

Ядром практики восстановительного правосудия являются примирительные встречи конфликтующих сторон или жертвы и правонарушителя, в ходе которых обсуждаются важные для общества и для людей способы цивилизованного выхода из конфликта или криминальной ситуации, а также вырабатываются и в будущем поддерживаются планы по изменению правонарушителями своего поведения. В ходе таких встреч подготовленный ведущий (медиатор) способствует изменению отношений между людьми: от отношений взаимной ненависти, злобы и агрессии стороны приходят к пониманию друг друга. В результате принимаются и реализуются обязательства по заглаживанию вреда и осуществляются по отношению друг к другу восстановительные действия: извинение, прощение, заглаживание вреда, понимание, принятие, то есть такие простые действия, на основе которых держится и не распадается общество.

Школа и криминализация подрастающего поколения. Одной из важнейших практик восстановительного правосудия в России является создание школьных служб примирения. И этот

факт отнюдь не случаен и не навязан западными образцами. В массе школ приняты такие правила школьной жизни и способы реагирования учителей на конфликты, что они не помогают освоению навыков цивилизованного общения, понимания, обустройства отношений, культурных форм завоевания авторитета, так необходимых подросткам для будущей жизни. Этому способствуют и постоянные перегрузки, которые испытывают учителя, недоступность для многих из них психологической помощи и административная «зарегулированность» школьной жизни (непрерывный поток спускаемых сверху циркуляров, проверок, распоряжений и т.д.).

Те способы разрешения конфликтов, которые чаще всего практикуются учителями, по мере взросления подростков затрудняют освоение ими цивилизованных форм разрешения конфликтов и нормативных регуляторов построения взаимоотношений. Так, например, в ходе десятков семинаров и тренингов, которые специалисты Общественного Центра «Судебно-правовая реформа» проводили в школах с 2000 по 2008 гг., учителям предлагалось продемонстрировать, как они разрешают конфликты и криминальные ситуации с учениками. Наблюдение за поведением учителей на данных семинарах и тренингах позволило сделать следующие выводы: педагоги чаще всего используют такие способы, как морализаторство, клеймение, формальное разрешение и угроза наказанием. Формальное разрешение конфликтов («оба виноваты и поэтому нужно мириться») практикуются в младшем школьном возрасте и действительно иногда срабатывают. Но с возрастом ситуации детей становятся все более дифференцированными, возрастает количество случаев, не поддающихся стандартным формам реагирования. И в этот период дети чаще всего не получают поддержки в том, чтобы найти цивилизованный выход из создавшейся ситуации**. Морализаторство разрушает коммуникацию и вызывает отторжение даже тех норм, которые подросток в иной ситуации признал бы справедливыми. Угроза наказанием – отчислением из школы, переводом в спецшколу, вызовом родителей к директору и далее вплоть до обращения в милицию и КДН – также широко используется педагогами. Клеймение применяется в случае, когда дело уже приняло

серьезный оборот и о нем стало известно родителям и милиции или когда ребенок постоянно срывает уроки, бьет одноклассников. Часто в данном случае от подростка пытаются избавиться путем перевода на домашнее обучение или в другую школу, а то и в специальное учебное заведение открытого или закрытого типа.

Ситуация отягощается социальным расслоением школьников. Материально необеспеченные дети для поддержания статуса пытаются различными способами приобрести те или иные вещи. Дети, чьи родители не состоялись в материальном и социальном плане, отягощенные семейной ситуацией, не могут приобрести значимое место в школьной жизни за счет овладения школьными предметами. Часть из них приобретает статус отверженных, а часть становится школьными авторитетами, которые испытывают тяготение к криминальной субкультуре и занимаются вымогательством. Но и успевающие дети фактически попадают под влияние такой подростковой субкультуры. Поскольку и их возможности самоутвердиться в школе, особенно в подростковом возрасте, ограничены. Этому способствуют мероприятия, инициированные дирекцией школы, часто не учитывающие подростковых форм жизни и не имеющие уже никакого воспитательного смысла.

В этой ситуации происходит не регулируемое взрослыми расслаивание детей и примитивизация отношений. Это выражается в том, что сплетни, манипуляции, насилие и угрозы насилия (выяснение, кто сильнее), с кем и против кого дружить, клеймение изгоев и т.д. опре-

** Не меньшие затруднения возникают и в системе воспитания. При современной организации трудового процесса и всей социальной жизни человеку приходится устанавливать с другими людьми очень сложные отношения, включающие производственные, личные, эмоционально-волевые и другие компоненты, которые необходимо достаточно тонко дифференцировать и строить, иногда по отдельности, а иногда – в сочетании друг с другом. Все это предполагает значительно более широкий набор культурных (эстетических, общественных, этических и эмоциональных) средств, чем тот, который может дать современная система воспитания [4, с. 20-21].

деляют направление социализации. И причина этого не только в скученности школьной жизни и влиянии телевидения, но и в том, что по мере взросления школьников большинство педагогов все меньше и меньше влияют на жизнь детей в школе.

Подростковое сообщество играет важную роль в социализации подростков, в освоении «взрослых» форм отношений между ними. Любовь, дружба, выработка отношения к людям и событиям, а также постановка и реализация целей составляют основу человеческого существования. Подростковое общество позволяет примерить эти отношения на себя и зачастую путем преодоления искусственно создаваемых самими подростками экстремальных ситуаций. Подростковый социум есть форма коллективности, в которой посредством такого «примеривания» вырабатывается индивидуальное отношение к миру и людям. Этому благоприятствует личностно-значимая коммуникация, когда разнообразные отношения и поступки становятся предметом обсуждения со стороны самих подростков.

Не имея поддержки со стороны взрослых, не осваивая навыки нормального выхода из конфликтных ситуаций, не участвуя в анализе и нормировке отношений с другими детьми и воспитателями, подростки начинают все богатство отношений и разнообразные способы их регулирования подменять одним типом – авторитарными взаимоотношениями и действиями.

Более того, замыкаясь в собственной среде и оказываясь выключенными из пространства культурных регуляторов поведения и отношений, они несут свои разрушительные навыки в социум. Видимо, это и есть подлинная основа криминализации российского общества.

Вот как фиксируют процессы, происходящие в детской среде, СМИ:

«Известиям» удалось расследовать, как работают школьные банды в столице Бурятии Улан-Удэ – наиболее зараженном школьным рэкетом городе России. Организованные в банды местные школьники, вымогая деньги у одноклассников, формируют уголовный «общак» настоящих преступников. «Ты, чей будешь?» – так в столице Бурятии Улан-Удэ обращаются друг к другу незнакомые дети и подростки. Это означает: кому ты платишь дань,

кто твоя «крыша»? Если никому, значит, ты «лох», которого каждый в любой момент может «поставить на бабки». Если платят тебе – ты «крутой», тебя уважают. Жаловаться взрослым не принято.

В городском УВД Екатеринбурга корреспонденту «Известий» Сергею Авдееву сообщили, что проблема актуальна и сейчас. Информация о «школьном рэжете» в сводках встречается часто.

В Башкирии, где проблема чрезвычайно остра, с рэкетом и борются радикально. Инспекторы по делам несовершеннолетних ходят по школам, убеждают детей не скрывать факты вымогательства, а сообщать о них взрослым. При обращении в милицию они берут на себя обязанности оперативников и сами выезжают на «стрелки», на которых должны передаваться деньги. Милиционеры дают потерпевшим ребятам меченые купюры и задерживают вымогателей с поличным, сообщает наш корреспондент Татьяна Майорова.

В Татарстане вымогательством занимаются даже девочки. В Нижнекамске две 15-летние школьницы и их 17-летний приятель вымогали 500 рублей у 13-летней девочки. Чтобы устроить, ее заперли в полутемном подвале, где несчастная провела без еды целых два дня. Преступников удалось задержать. Сейчас следователи выясняют, не числятся ли за ними другие подобные преступления, передает корреспондент «Известий» Юрий Николаев. Согласно опросу, проведенному на днях республиканской прокуратурой, среди 4719 учащихся в крупнейших городах Татарстана, более половины местных школьников подвергались вымогательству. Каждая вторая жертва не смогла противостоять любителям легкой наживы и распрощалась со своим имуществом или деньгами. Даже если пострадавший подросток рассказал о случившемся родителям, те не обращались с заявлением в милицию.

В Астрахани «школьный рэкет» напрямую связан с детскими амбициями. Например, ученики обычной средней школы № 59 держат в напряжении соседнюю гимназию № 4, где учиться гораздо престижнее. «Наши пацаны ходят в столовую гимназии – она лучше, а деньги «стреляют» по дороге», – рассказал на-

шему корреспонденту Галине Годуновой один из учеников 59-й школы. Президент астраханского правозащитного центра молодежи «Доверие» Зира Укасова говорит, что у местных школьников сейчас в ходу так называемый обмен: могут вынудить обменять роскошный велосипед на зажигалку.

В Ростове-на-Дону распространен принцип «крышевания», сообщает корреспондент «Известий» Елена Строителева. Старшеклассники «сшибают» деньги с младших, при этом каждый знает, кому он платит. «Если за данью обратится «левый» сборщик податей, то ему дадут знать, что сначала надо разобраться с «крышей», – утверждает отец шестиклассника ростовской школы № 4. – Иногда разбирательства доходят до рукоприкладства». Сотрудники ростовского молодежного телефона доверия, куда часто обращаются жертвы вымогателей, выяснили, на что уходят отобранные деньги. Оказалось, что старшеклассники обычно тратят их на выпивку и легкие наркотики, которые купить в большинстве местных школ сейчас несложно» [5].

Одной из основных форм, в которых школьники разрешают конфликты, являются «стрелки». Фактически именно участие в «стрелках» формирует у детей исходный силовой опыт разрешения ситуаций.

«Стрелки». Тема подростковых группировок и «стрелок» как основного феномена существования подростковых криминально-ориентированных группировок молодежи рассматривалась на семинарах Центра «Судебно-правовая реформа», посвященных анализу проблем создания школьных служб примирения. В ходе семинаров выяснилось следующее:

- «стрелки» – достаточно распространенное явление в подростковой среде;
- организация «стрелок» и участие в них – форма самоутверждения и удержания (приобретения) высокого статуса лидеров подростковых группировок;
- «стрелки» – стандартная форма преимущественно насильственного разрешения конфликтов между подростками, форма перераспределения и завоевания власти и статуса, борьбы за влияние и возможность безнаказанно осуществлять криминальные действия;

- «стрелки» являются способом бизнеса для части подростков, которые организуют и провоцируют на стрелки других подростков и в дальнейшем продают записанные на мобильные телефоны драки, происходящие на «стрелках», а также делая денежные ставки на победителя;

- во многих школах дети из благополучных семей (чаще всего девочки) очень мало знают о «стрелках», а педагоги не знают почти ничего;

- чтобы предотвратить насильственное разрешение конфликтов на «стрелках», нужно обладать высоким статусом и, по мнению самих подростков, такой работой могут заниматься, прежде всего, мальчики.

Проведение «стрелок» и участие в них значительной части детей маркирует слом в механизмах социализации. Как замечает Ю.В. Громыко, «если у ребенка не формируется исходного общественного опыта или формируется анти-социальный или контркультурный опыт в той или иной сфере общественных отношений, этот изъян затем очень тяжело (по всей видимости, невозможно) преодолеть» [6, с. 108].

«Стрелки» являются исходной формой закрепления контркультурного опыта жизни. Уже в этих описанных ситуациях заметно, что для подростков применение силы представляется основополагающим фактором в процессе взаимоотношений. В то же время взрослые не фиксируют эти ситуации как несправедливые и не работают с ними. А если ситуации, связанные с бесконтрольным и неосмысленным применением силы, не осмысляются представителями общества, то в дальнейшем такие формы социализации начинают воспроизводиться, как феномен репрессивных практик***.

*** Правда, необходимо заметить, что в России исторически общество не осуществляло контроль за насилием. Репрессивные практики в качестве неконтролируемого и неосмысленного применения силы во взаимоотношениях власти и подданных, а также основного средства достижения индивидами своих целей воспроизводились непрерывно. Не являются ли «стрелки» генетически исходной формой освоения российскими людьми репрессивных практик? И не является ли отсутствие контроля со стороны общества за насилием, невнимание к нему и даже его поощрение органами власти условием отсутствия правосудия как института контроля за насилием?

Для того чтобы подростки осваивали действительно цивилизованные формы общения и деятельности, необходимо управление процессами, происходящими в детских и подростковых сообществах со стороны взрослых, прежде всего через неавторитарные способы разрешения конфликтов. Для нас это составляет один из важнейших ориентиров воспитательных практик. Мы понимаем, что такой тезис встретит мощное противодействие руководителей, ориентированных, в первую очередь, на политическую социализацию и рассматривающих работу с молодежью сквозь призму необходимости проведения всякого рода массовых мероприятий.

Теоретические ориентиры становления новой практики воспитания в школах. Для того чтобы создавать новую практику воспитания в школах, необходимо понять теоретические основания нашей работы. А для этого следует сконструировать идеальный объект, с помощью которого можно было бы в дальнейшем проектировать деятельность воспитания в целях трансляции цивилизованных норм разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. Для этого нужно задать модель детского общества, имитирующего «взрослое общество».

«Детское сообщество, – как отмечает Ю.В. Громыко, – функционирующее на основе искусственно-естественных механизмов, сформированных отношениями взрослых и детей, а не какими-то исходно врожденными структурами детского сознания, отображает структуру общества взрослых и должно внутри себя воспроизводить и имитировать всю генетическую матрицу. Именно в структуре детского общества осуществляется проращивание целостного общественного воспроизводства. К сожалению, образовательная социология до настоящего момента очень мало уделяла внимания исследованию и описанию устройства детского сообщества с точки зрения анализа и имитации в системе его форм и воспроизводства на его основе полной структуры общественного воспроизводства.

А в этих отношениях, как нам представляется, все дело» [6, с. 108].

Теоретико-методологические основания изучения детского общества заданы в разработках Г.П. Щедровицкого [7], который создал модель изучения детского сообщества как единицы, отображающей общество. В данной модели человеческое общество представлено как системное образование через элементы и связи между ними. Каждый элемент представляет форму человеческого существования. Целостность общества как предмета исследований и проектных разработок и задается, с одной стороны, совокупностью данных форм, с другой – морфологией данных элементов. Особые связи между ними характеризуют то или иное общество. Люди в обществе существуют как носители производственных ролей, как реализация определенных культурных норм, как потребители общественного продукта и как личности в пространстве взаимоотношений (клубном пространстве), контактирующие с другими элементами общества.

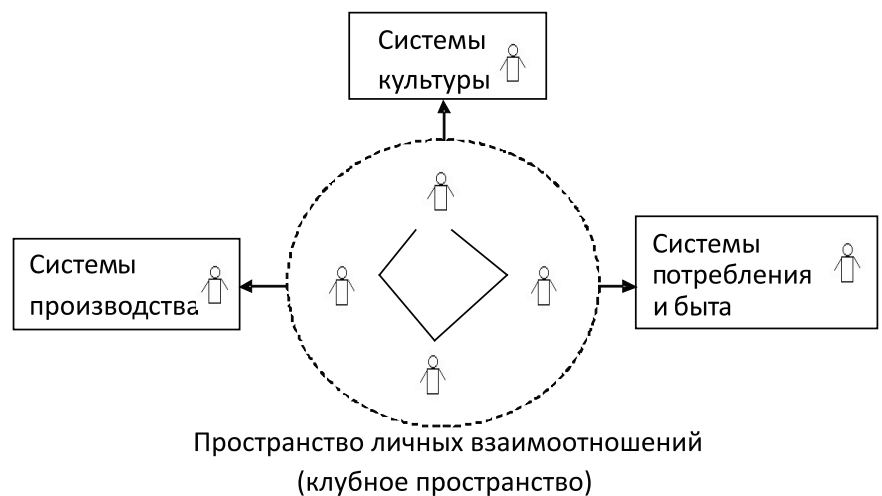

Рис. 1. Схема модели общества

«В каждой из этих структур, – отмечает Г.П. Щедровицкий, – образно говоря, есть «места» для людей; люди на какой-то промежуток времени подключаются к каждой из них, «занимают» эти места, но только на время, а затем покидают их и «переходят» в другие структуры. Значит, жизнь людей охватывает все эти структуры, но не сводится к ним, она проходит еще и вне их, во всяком случае, в моменты переходов. Поэтому, отвлекаясь от пространственно-временных условий жизни

людей, но точно передавая логику отношения (по крайней мере, в первом приближении), мы должны поместить людей в особой сфере, лежащей как бы между этими тремя блоками. Это – особое “пространство” человеческой жизни, в котором происходит “свободное” движение людей; в нем они сталкиваются и взаимодействуют как независимые личности, в нем они относятся друг к другу по поводу производства, потребления и культуры. Это сфера особых, личных и “личностных” отношений. Именно она объединяет три других блока системы в одно целое и образует область, без которой не может быть “общества”. Именно отсюда три других блока “черпают” человеческий материал, и сюда же они возвращают его “использованным” или обогащенным в зависимости от социально-экономической структуры сфер производства, потребления и обучения» [7, с. 675].

Такая единица позволяет выделить следующие конституирующие детское сообщество элементы:

- производство как система жестко определенных социальных мест. Например, структура мест «учителя-ученики», «родители-дети»;
- культура как канал трансляции норм, позволяющих деятельности воспроизводиться и определяющих содержание воспитания и обучения человека;
- быт и потребление;
- клубные (личностные) отношения. И здесь важно отметить, что воспитание детей и усвоение цивилизованных норм, с точки зрения данной модели, происходит в клубе – пространстве личностных взаимоотношений.

«Этот вывод, – отмечает Г.П. Щедровицкий, – полученный из анализа понятия “общество”, может быть перенесен уже непосредственно на жизнь детей. Конечно, наивным и неправильным было бы искать у детей “общество” с точно такой же структурой, как изображенная на схеме. У детей не может быть “общества” в точном смысле этого слова, “общества”, живущего независимо от влияния взрослых. Взрослые, и в частности воспитатели, постоянно вмешиваются в жизнь детей, организуют и перестраивают ее по своему усмотрению, в соответствии со свои-

ми задачами. И так всегда должно быть. Но вопрос в том, во что они вмешиваются и как вмешиваются.

Часто вмешиваются так, что при этом разрушается и даже совсем исключается сфера личностных отношений между детьми, их самостоятельность в установлении и построении этих отношений. Вместо самостоятельности детей и их отношений друг к другу мы получаем сферу “парных отношений” воспитатель-ребенок, в которой очень мало остается от собственно общественных отношений (ибо нет равенства возможностей), в которой у ребенка не может быть свободы в построении своих отношений и, следовательно, не могут развиваться общественные и истинно нравственные качества.

Значит, для формирования у детей общественных качеств и нравственного самосознания нужно создавать соответствующие условия, организовывать и постоянно сохранять сферу их “личностных” отношений, стимулировать самостоятельность детей, “свободу” в установлении отношений друг с другом.

Но это и будет созданием “общества” детей, “детского общества” в точном соответствии со структурой разобранного понятия.

И такой вывод определяет как работу воспитателя, так и направление дальнейших исследований. Необходимо ответить на вопрос, как можно и нужно вмешиваться в жизнь детей и активно организовывать ее, чтобы при этом не разрушалась детская самостоятельность в сфере “личностных” отношений, чтобы не разрушалось “детское общество”. Где и как это возможно?» [7, с. 676].

Насколько школьная жизнь помогает воспроизводить полноту социальных структур? Что мешает взрослым управлять школьными конфликтами и соответственно создает благоприятные условия для воспроизводства криминальной субкультуры? Можно выделить следующие элементы школьной ситуации: неумение взрослых работать с детьми как представителями подросткового сообщества; в учительской среде господствует мнение о том, школа должна давать знание, а воспитывать должна семья; подавляющее большинство учителей, задавленных школьной рутинной, не интересуется

жизнью учеников, не имеет знаний о формах и методах работы с детскими коллективами. Фактически воспитание в современной школе свелось к определенному количеству мероприятий, формально маркируемых как воспитательные. А воспитание, если и существует, то за счет внеплановых инициатив отдельных учителей, которые благодаря своим личным чертам характера могут влиять на формирование нравственных качеств школьников.

«В сегодняшней воспитательной практике, – отмечают Л.М. Карнозова и Г.И. Александрова, – передаваемые нравственные образцы не являются нравственными регулятивами в жизни самого педагога. Они оформлены в определенное содержание – набор идеологических постулатов – и отчуждены от него. Педагог передает это содержание ребенку (в ходе плановых мероприятий) в функции знания и в этой же самой функции принимается учеником. Отсюда понятно, что никакие планы мероприятий в школе вообще отношения к воспитанию не имеют» [8, с. 73].

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Восстановительная ювенальная юстиция в России. Модели работы в регионах. – М., 2008.
2. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года и пояснительные заметки // Организация и проведение программ восстановительного правосудия. Методическое пособие / Под редакцией Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2006.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года, одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года.
4. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований. Методологический анализ / Педагогика и логика. – М.: «Касталь». – 1993.
5. «Детский рэкет» шагает по стране [Электронный ресурс] URL: http://izvestia.ru/community/article_1998.htm. (дата обращения 24.06.02).
6. Громыко Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. – М.: Изд-во «Пайдейя», 1996.
7. Щедровицкий Г.П. Игра и «детское общество» // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995.
8. Карнозова Л.М., Александрова Г.И. Двуматематические ОД-игры по проблемам образования: социокультурный, методологический и игротехнический аспекты // Вопросы методологии. – 1991. – № 2.

School Mediation in Russia: Grounds, Experience, Perspectives of Legal Regulations

T. Akchourin

The Federal institute of a development of education

R. Maksudov

The inter-regional Public Center «Judicial-legal reform»

The article under study is dedicated to the most difficult problem that plays an important role in prevention of crimes in society. The article refers to the experience, realities, and grounds of school mediation. School conciliation service is viewed as an institution of civil society and additional instrument of children's rights defense. Perspectives of existence and development of this institution in contemporary society have an essential importance and can influence the criminal situation in the country. Besides, the article reveals the Russian model of school conciliation service.

Key words: conciliation, bringing-up, restorative justice, school conciliation service, children rights defense system, juvenal justice

